

ПРОЛОГ

1998 год, февраль

День для похорон выдался неудачный. Хотя, в самом деле, может ли такой день вообще оказаться более или менее удачным? Третье февраля. Словно предчувствуя скорый конец, зима попыталась снова вступить в свои права, споря с естественным порядком вещей. До этого три недели царила оттепель. Ночью подмораживало, а с утра лед, смешиваясь с грязью на улицах, образовывал густую серую жижу, которую прохожие месили, словно тесто, увязая сапогами по самые голенища. А прошлой ночью началась метель. Она занесла все неприглядное в городе, и он мгновенно превратился в белое снежное царство. Деревья стояли, словно увенчанные песчовыми шапками, и лишь по смутным очертаниям удавалось определить, что огромные сугробы возле домов — на самом деле автомобили, занесенные снегом.

К утру метель не улеглась. Дул пронизывающий западный ветер, и хотя термометр показывал всего пять градусов мороза, из-за ветра казалось гораздо холоднее. На кладбище не было ни души, только у одной могильной плиты стояли четыре человека, один из которых был работником кладбища. Трое других — две женщины и закутанный, как маленький космонавт, ребенок — пришли проводить в последний путь ту, чью фотографию на эмали младшая из двух женщин вот уже несколько минут пыталась приладить к плите, на которой крупными золотыми буквами ранее было выбито мужское имя и годы жизни — 1928—1982.

— Не выходит, — жалобно произнесла женщина, безуспешно пытавшаяся приклеить фотографию. Она положила ее на бордюр и стала отогревать покрасневшие от холода руки своим дыханием.

— И не выйдет, — со знанием дела отреагировал работник кладбища, мужик лет сорока, абсолютно трезвый, что уже само по себе удивительно. Он копал неглубокую ямку, в которую, судя по всему, предполагалось опустить деревянную урну с прахом, стоявшую у оградки.

— Надо фотку на цемент посадить, — продолжал он. — Тогда, может, несколько лет продержится. Да и цемент в нашем сыром климате нужно постоянно менять, а вы на «Момент» приклеиваете, это ж смех один, по морозу-то!

Женщина постарше, к ногам которой жался замерзший ребенок, стояла молча и безучастно.

— Ты бы поплакала, — мягко кладя сухонькую руку ей на плечо, произнесла младшая. — В крематории ни слезинки не проронила, и сейчас вот...

— А чего зря плакать? — равнодушно отозвалась та. — Не хотела бы я дожить до того времени, когда она вовсе человеческий облик потеряет: и так из дома все вынесла на продажу! Мне детские вещи, сама знаешь, у соседей прятать приходилось, чтобы ребенка голым не оставить... Нет у меня слез для нее!

Работник кладбища взял урну и аккуратно поместил ее в яму.

— Ну, что, засыпаем? — спросил он.

Старшая кивнула, младшая залилась слезами, словно плакала за двоих. Закидав яму мерзлой землей, мужик поднял фотографию на эмали с бордюра и пригляделся внимательно.

— Красивая девка была, — отметил он. — Глазищи-то какие!

Борясь с дующим в лицо ветром, маленькая процессия медленно двинулась к выходу. Метель продолжала бушевать, занося место, где только что захоронили урну, и через десять минут никто уже не смог бы определить, что в этот день кладбище посещали люди: следы их исчезли под белым пушистым покровом.

* * *

Он посмотрел на нож в своей руке, словно не веря в случившееся. Но факт оставался фактом: он только что вытащил окровавленное лезвие из спины человека, который на короткое время заменил ему отца. Зачем он вообще его вытащил? Это оказалось нелегко: тело почти окоченело, и пришлось упереться ногами в тяжелые ножки стола, чтобы вырвать его из одеревеневших тканей. Нож выскользнул из рук и со звоном упал на деревянный пол. Постепенно стала возвращаться возможность здраво рассуждать: если его здесь обнаружат, он немедленно окажется в камере, а этого нельзя допустить — он и так слишком много времени провел в тюрьме и не собирался повторять опыт. Конечно, много ему не дадут, он ведь несовершеннолетний, но и вряд ли отпустят на все четыре стороны при таком раскладе! Он с ужасом представил, что его могут вернуть обратно, к матери, и от этой мысли принялся дрожать, как будто только что вылез из ледяной воды. Нет, его голыми руками не возьмешь, лучше он, как дикий зверь, станет жить в лесу, чем вернется туда, откуда с таким трудом сбежал!

Он бросился в спальню и стал лихорадочно собирать вещи. Ни одна из них ему не принадлежала — все подарены покойником. Затолкав в холщовый мешок одежду и все, что могло пригодиться в длительном походе, он уже собирался покинуть дом, но вдруг вспомнил о самом

главном: бабки! Он выскочил в сени и порылся в поленице, где старик хранил деньги — несколько купюр по сто рублей, десять — по тысяче. Небогатый улов, но и на том спасибо. Затем он вернулся в комнату, чтобы одеться и прихватить свой узел.

В дверях оглянулся в последний раз: тело, разумеется, оставалось в том же положении, а окровавленный нож по-прежнему валялся у ног покойника. На мгновение слезы подступили к горлу, но он не позволил себе заплакать: что сделано, то сделано, и пути назад нет. Захлопнув дверь, он вышел в метель, которая сбивала с ног, но и укрывала от любопытных глаз. Да, нынешняя непогода ему только на руку!

2014 год, декабрь

Татьяна отложила щетку, которой безуспешно пыталась пригладить непослушные пряди, торчащие в разные стороны: что бы она ни делала, какими бы средствами ни пользовалась, ее тонкие и жирные волосы выглядели одинаково — так, словно нуждались в мытье. А ведь она моет голову каждый день! Эти рекламные ролики, провозглашающие, что «волосы станут красивыми и блестящими, если вы будете использовать наш шампунь (бальзам, мусс для укладки и т.д.), всего за несколько минут», безбожно врут — ничего подобного не происходит. Правду говорят — если бог не дал чего-то, любые старания бесполезны: хорошие волосы или кожу можно сделать идеальными, а плохие... Правда, с чем у нее нет проблем, так это с кожей. Она гладкая, светлая, без прыщиков или неровностей, приятная на ощупь. Кожа — единственное, что она получила от матери, остальное, вероятно, от отца. Самое обидное, что Татьяна его даже не знает. Она никогда не видела его, понятия не имела, где он живет и работает и есть ли у него другая семья.

Татьяна посмотрела на фотографию на стене, с которой улыбались красивая светловолосая женщина и маленькая розовощекая девочка. На этом фото она похожа на мать, почему же с возрастом так изменилась? Таня тоже могла бы рассчитывать на прекрасные белокурые локоны, на такие же бездонные, синие глаза и ямочку на подбородке, которая выглядела так сексуально! Бабушка говорила, не родись красивой, а родись счастливой, но

что толку? Если бы Таня чувствовала себя счастливой, возможно, она не обижалась бы на матушку-природу, которая здорово на ней «отдохнула». Счастливой Таня себя бы не назвала. Ей недавно исполнилось двадцать два года, она занимается нелюбимым делом и вынуждена ежедневно выслушивать упреки от тех, кто многого добился в жизни. От этого она чувствовала себя еще более несчастной и униженной.

Однако, пожалуй, несколько лет своей жизни Таня все же могла назвать по-настоящему счастливыми. В то время они с матерью и бабушкой жили за городом. Мама водила ее в детский сад в соседний поселок, и по дороге они смеялись и шутили. Вечером ее забирали бабушка или мама. На обратном пути они заходили в магазин в центре поселка, и Танюше обязательно покупали что-нибудь вкусное — ириски, шоколадные батончики, большую конфету «Мишка на Севере» или «Красная Шапочка».

Потом они переехали в город.

В школе (ее отдали в музыкалку, как и мать в свое время) Татьяна впервые почувствовала себя несчастной. Нельзя сказать, чтобы ее недолюбливали одноклассники или учителя — они ее просто не замечали, и это было самое обидное. Возможно, если бы Таня обладала легким и веселым характером, ей и удалось бы найти общий язык с ребятами, но она была скрытной, погруженной в свой собственный мир. Учителя жалели ее, зная о том, что ребенок рано потерял мать, но время шло, а Татьяна становилась все более замкнутой.

Тетя Лида и бабушка много раз предлагали Тане пригласить домой подруг на день рождения или любой другой праздник, да, в конце концов, и просто без повода, но она отказывалась: у нее не было подруг. Одноклассницы с удовольствием списывали у Татьяны домашние задания, особенно по русскому языку, литературе и сольфед-

жо, в котором Татьяна была особенно сильна, но они никогда не приглашали ее в гости и не предлагали сходить вместе в кино или на прогулку.

Правда, одна девочка хорошо отнеслась к Татьяне. Ее звали Люба. Она перешла в их школу в шестом классе и легко влилась в детский коллектив. Отец Любы был военным, и семья частенько переезжала. Веселая и жизнерадостная Люба постоянно что-то придумывала. То ставила спектакли, вовлекая в них одноклассников, а потом показывала учителям, родителям и даже соседям по дому. То вдруг приглашала друзей домой и угощала мороженым и пепси-колой. Ее мама пекла замечательные пироги с капустой или с яблоками, и дети могли вдоволь наесться вкусностей.

Люба оказалась первой из одноклассников, кто обратил на Татьяну внимание. Она удивилась, почему эта странная девочка всегда одна, почему она не играет на переменах с ребятами и не посещает дни рождения и другие мероприятия, на которые всегда приглашали Любу, хоть она и новенькая в классе. Как-то раз девочка подошла к Татьяне и заговорила с ней. Скоро Таня поняла, что не может обходиться без новой подруги. Благодаря Любе к ней стали лучше относиться. Если Любашу куда-то звали, она просила разрешения привести с собой Таню. Рядом с Любой Таня чувствовала себя значительной. Любе удавалось все, за что бы она ни бралась, и Татьяна боготворила ее. Девочки часто рассуждали о том, как вырастут, станут знаменитыми и начнут гастролировать по миру с концертами, и самые известные музыканты будут считать за честь выступать с ними на одной сцене.

Люба проучилась в Танином классе всего год, а затем ее отца перевели в другой город, и Таня опять осталась одна. Без Любы она перестала быть интересной своим одноклассникам и снова стала печальной маленькой те-

нюю, бродящей по школе в одиночестве. Но это, как выяснилось, еще не самое страшное.

В девятом классе Таня открыла для себя две удивительные вещи. Первая: оказывается, ей нравятся мальчики. Вторая: мальчиков она, Таня, абсолютно не привлекает. Особенно ей нравился Рома Вайнштейн, симпатичный и бесспорно талантливый. Рома учился в параллельном классе, и все прочили ему карьеру блестящего скрипача. Он великолепно играл на скрипке, а также на фортепиано и гитаре, что делало его незаменимым в любой компании. Таня и мечтать боялась о том, что когда-нибудь этот принц обратит на нее свое царственное внимание, и лишь тихо вздыхала, когда Рома проходил мимо, скользя по ней безразличным взглядом, словно Таня являлась предметом мебели. Однако в последнем классе случилось чудо: Рома пригласил ее на дискотеку по случаю празднования Нового года. Таня не знала, куда деваться от восторга, но одновременно и волновалась, ведь надо соответствующе выглядеть рядом с популярным парнем! Тетя Лида сшила замечательное платье, и Татьяна, сияя от счастья, отправилась на праздник. Всю дорогу до школы она боялась присесть или прислониться в транспорте к чему-нибудь, чтобы не помять наряд. Рома встретил ее в холле и похвалил платье! А когда начались танцы, к нему подошла Вероника Суворова, девочка, с которой Рома дружил раньше, но поссорился перед самой дискотекой. Они помирились, и весь вечер Таня просидела на стуле в углу, глядя на танцующие пары. Придя домой, она с ожесточением сорвала с себя платье, которое еще несколько часов назад так боялась помять, скомкала и засунула в дальний угол шкафа, чтобы оно не напоминало ей об унижении.

В учебе Таня подавала определенные надежды. Она хорошо играла на фортепиано, и преподавательница Гелена

Анисимовна Шестакова прочила ей отличную музыкальную карьеру.

— Ты обязательно должна поступать в консерваторию, — говорила она. — У тебя есть способности, а также упорство и целеустремленность, которые необходимы настоящему музыканту!

Татьяна прислушалась к совету. Ей хотелось доказать всему миру, что она на что-то способна. Таня решила прославиться, чтобы все, кто не замечал ее, стали кусать локти оттого, что не разглядели в неприметной, блеклой девочке гения! Она без труда поступила в консерваторию и остервенело принялась за учебу. Правда, преподаватели считали, что в манере ее исполнения отсутствовало главное, которое отличает пианиста-виртуоза от просто пианиста. Душа. Они признавали, что Танина техника выше всяких похвал, но, оказывается, каждый исполнитель должен вкладывать в игру что-то свое, заставляющее одно и то же произведение звучать по-разному под пальцами разных пианистов. Вот этого-то Таня и не смогла постичь, как ни старалась. Она с разочарованием поняла, что высот ей не добиться и что она навсегда останется посредственностью с мозолями на пальцах от постоянных упражнений и кучей комплексов из-за несбывшихся надежд!

Придя к выводу, что слава ей не грозит, Татьяна решила бросить музыку. Тетя Лида пришла в ужас, но девушка ясно дала понять, что не передумает. Она долго маялась без дела, не зная, чем хочет заняться, а потом случайно наткнулась на объявление в газете о курсах визажистов-гримеров. Таня решила рискнуть. Она надеялась найти работу в каком-нибудь театре и все-таки быть поближе к искусству. Девушка закончила курсы и стала очень хорошим специалистом. Она обладала чутьем и вкусом

и умела подчеркнуть достоинства внешности, замаскировав недостатки.

Татьяне не удалось устроиться в театр: куда бы она ни приходила, везде оказывалось, что вакансий нет. В результате знакомая тети Лиды устроила ее в салон красоты, где Таня получала неплохую зарплату, однако не испытывала никакого удовольствия от того, что превращала просто богатых дам и девиц в богатых и красивых. Сидя перед зеркалом, она с тоской смотрела на свое отражение и задавала себе сакраментальный вопрос: почему одним — все, а другим — ничего?

* * *

Шел снег. Новый год не за горами. Крупные хлопья падали на асфальт и тут же таяли, но тем не менее создавалось ощущение приближающегося праздника. Люди толпами сновали туда-сюда, забегали в ярко освещенные и красиво украшенные магазины и выходили, нагруженные коробками и пакетами, рулонами оберточной бумаги и разноцветными связками «дождика» различной степени пушистости. Казалось бы, СМИ только и говорят о мировом кризисе, доллар и евро растут, рубль падает, но народ ни в какую не желает мириться с таким положением вещей. Кризис — ха! Это там, у них, может, и кризис, а у нас — Новый год на носу!

Макс любил предновогоднюю суету и радовался тому, что сегодня Самвел отпустил его домой раньше обычного: на рынке отключился свет, и торговцам ничего не оставалось, кроме как собирать товар и заканчивать рабочий день. Поэтому, несмотря на то, что было всего пять часов вечера, Макс получил возможность прогуляться по улицам.

Макс жил с бабушкой, бывшей учительницей русского языка и литературы, в коммуналке в районе станции ме-

тро «Сенная площадь». Им принадлежала одна большая комната. Всего же в квартире было шесть комнат: говорят, до войны в ней жил какой-то профессор, и Макс часто пытался представить себе, каково это — иметь целых шесть комнат и никаких соседей? Кроме Макса с бабушкой в квартире обитали три семьи — дядя Паша, тихий алкоголик с ужасно ворчливой женой тетей Марусей, Лазаревы в количестве пяти человек и старушка, которую все звали просто «баба Лена». Максу порой казалось, что у него две бабушки, потому что с детства он равное количество времени проводил и с бабушкой Машей, и с бабушкой Леной, которая на самом деле не приходилась ему родственницей. Старушка была одинока. Она рассказывала, что однажды «сходила замуж», но ненадолго и неудачно. Детей баба Лена в браке не родила, поэтому с удовольствием возилась с маленьким Максимкой, когда его родная бабушка оказывалась занята. Сама баба Лена до пенсии работала на консервном заводе, закручивая банки с тушенкой. Макс помнил ее руки, все в порезах, и перебинтованные пальцы — то один, то другой. Достигнув пенсионного возраста, баба Лена наконец получила возможность заниматься тем, что у нее получалось понастоящему хорошо, — шитьем. Шила она с выдумкой, умудряясь из дешевых материалов сварганить вещи, в которых не стыдно показаться в самых престижных местах (хотя, надо признать, ее клиенты в таких местах не бывали и, скорее всего, даже не знали об их существовании!). Максимка и баба Маша тоже щеголяли в одежде «от бабы Лены».

В школе Макс не особенно блистал, чем вызывал огорчение бабушки, когда она, в очередной раз открывая дневник, натыкалась на двойки и тройки даже по тем предметам, которые большого ума не требуют. Но Макс все же имел две стабильные пятерки — по физкульту-

ре и по музыке. Физкультуру он любил, с удовольствием выполнял упражнения, самозабвенно играл летом в футбол, зимой в хоккей, но баба Маша не приветствовала его увлечение спортом. Когда учитель физкультуры сказал, что мальчишку хорошо бы отдать в спортивную школу, она воспротивилась этому с удивительной для ее возраста энергией.

— Мальчику учиться надо, а не мяч гонять! — сказала она, и Макс понял, что великим футболистом он, скорее всего, не станет.

Что касается музыки, то бабушке нравилось, что учительница хвалит ее внука. Именно по этой причине в третьем классе бабе Маше пришла в голову мысль отправить Максима в музыкальную школу. Она находилась рядом с домом, даже ближе, чем общеобразовательная, и для того, чтобы туда попасть, не требовалось переходить дорогу. Не то чтобы внук пришел в восторг от бабушкиной идеи, но и сопротивляться не стал: в конце концов, бабе Маше лучше знать, что для него хорошо. Он во всем привык полагаться на бабушку, хоть порой и испытывал на себе ее крутой нрав. Ничего, ведь рядом всегда была баба Лена, мягкая, пышная, готовая утешить, посочувствовать и вкусно накормить. Баба Маша иногда интеллигентно ругалась с бабой Леной, утверждая, что та портит ей внука, но баба Лена, кротко выслушав нотацию, все равно поступала по-своему. В глубине души баба Маша не держала зла на соседку: в конце концов, баба Лена была единственной, помимо нее самой, кто искренне и самозабвенно любил мальчишку.

В музыкальной школе учеба Макса пошла гораздо лучше. Не прилагая особых усилий, он делал успехи. Единственным предметом, в котором он не преуспевал, стало сольфеджио. Зато, как выяснилось, Макс обладал абсолютным слухом и сильным голосом (хотя послед-

нее, по словам учителей, не слишком обнадеживало). Бабушке объяснили, что не стоит полагаться на то, что у мальчика хороший голос, пока он не начал ломаться. Необходимы специальные упражнения и осторожность, чтобы поддержать то, что дала природа. Робертино Лоретти, к примеру, в детстве пел, как ангел. Он продолжал петь и после того, как голос сломался, однако так и не сумел стать выдающимся певцом. Ни баба Маша, ни тем более Макс вовсе не мечтали о музыкальной карьере: бабушка выбрала музыкальную школу, просто чтобы внук не сбился с пути и не болтался по улицам в компании каких-нибудь хулиганов. С другой стороны, музыка облагораживает, думала баба Маша, а значит, несмотря на недостаток денег в их маленьком семействе, Максим получит разностороннее образование — чего еще желать?

Макс обожал животных, особенно собак. Он постоянно возился с бродячими псами. Так как для содержания их в квартире не было условий, все сводилось к тому, что Макс притаскивал четвероногого приятеля домой, мыл его в ванне дешевым детским шампунем, приводил в божеский вид и пристраивал своим друзьям, знакомым и знакомым знакомых. Голубой мечтой Макса было когда-нибудь завести собственную собаку или даже несколько, и чтобы не возникало вопроса, где их держать, но пока такая перспектива представлялась туманной.

В целом жизнь Макса текла спокойно, без сильных потрясений и огорчений, исключая обычные мальчишеские проблемы. Единственным, что по-настоящему беспокоило обеих бабушек, была армия. Они понимали, что у них нет ни денег, ни связей, чтобы «отмазать» Макса от службы, а в вуз он не поступит по причине тяжелых взаимоотношений с науками: он с трудом написал ЕГЭ по обязательным предметам, а с одними тройками нечего и думать

о получении высшего образования! Оставалась возможность поступления в консерваторию, но Макс с неожиданным упорством воспротивился: он хотел служить, и бабушки капитулировали.

Солдатская жизнь оказалась вовсе не так ужасна, как им представлялось. Макс легко нашел общий язык с ребятами еще в учебке и понял, что ему не составит труда приспособиться к армейскому быту. При распределении ему повезло: он попал в погранвойска и сразу из учебной части отправился в поселок Вяртсиля, что на финской границе. Максим был очарован суровой красотой карельских лесов, соснами, озерами и скалами, словно сошедшими с полотен Рериха. Его не угнетала изолированность от гражданской жизни. Макс любил бродить по молчаливому лесу, лазать по скалам и часами глядеть на тихие воды озера Янисъярви. Рядом находился пограничный переход Вяртсиля-Нийрала, и по другую сторону он часто видел финских пограничников.

Начальник заставы, полковник Утехин, слыл страстным любителем музыки. Каждый раз, inspectируя новобранцев, он с пристрастием выпытывал, кто из них умеет играть на музыкальных инструментах или петь. Ансамбль его заставы считался лучшим в округе, и ребята даже принимали участие во всероссийских конкурсах и сборных армейских концертах. Сам Утехин виртуозно играл на аккордеоне и ценил музыкальные таланты подчиненных. В личном деле Макса значилось окончание музыкальной школы, что не укрылось от орлиного взора полковника. Так парень оказался в «банде Утехина» (слово «банда» не несло в себе отрицательной нагрузки и происходило от английского «band», означающего «музыкальная группа»).

У Макса имелись и другие основания для радости. На заставе служили не только люди, но и животные — немец-

кие овчарки, лошади и даже старый ручной лось Кузьма. Несколько лет назад он, видать, с голодухи, вышел на дорогу, где его и сбил на машине вышеупомянутый полковник Утехин. Несмотря на то, что в сезон пограничники не считали зазорным охотиться на тех же самых лосей, Утехин решил не добивать незадачливого пешехода и привез его на заставу. Из поселка доставили ветеринара, и тот выходил лося, получившего имя Кузьма. Несмотря на то, что Кузьма попал к людям в зрелом возрасте, а лоси вообще звери недоверчивые и порой даже агрессивные, этот оказался на удивление миролюбивым и любопытным созданием. Как привязанный, Кузьма ходил за Утехиным, словно чувствуя, что обязан ему жизнью. Полковник делал вид, что ему эта лосиная привязанность безразлична, но тайком таскал Кузьме, которого поселили в конюшне вместе с лошадьми, разные лакомства — яблоки или хлеб с солью, который лось особенно уважал. Со временем Кузьма решил, что тоже является лошадью, и, несмотря на полную свободу выбора, ни разу не пытался убежать в лес, мирно пасясь на лугу со своими домашними собратьями.

Служебные собаки — это отдельный разговор. Местные овчарки, умные, ухоженные и послушные, привели его в восторг. Так, в компании сослуживцев, большая часть которых стала его добрыми приятелями, животных и «банды Утехина» жизнь Макса текла вполне себе приятно. Впервые услышав, как новобранец поет русские народные песни, полковник серьезно заявил: «Парень, да тебе петь надо!» И Макс пел — весь год, а потом и второй, когда решил, вопреки бабушкиным опасениям, остаться на сверхсрочную.

Служба в армии оставила приятные воспоминания и полезный опыт: он научился обращаться с женским полом, которого хватало в соседних поселках и райцентре,

куда солдат отпускали в увольнительную, водить машину и ездить верхом. Дослужившись до сержанта и став победителем нескольких музыкальных смотров-конкурсов в составе «банды Утехина», Макс демобилизовался и вернулся в родной Питер. Оказалось, он настолько отвык от гражданской жизни, что на первых порах не понимал, как здесь все устроено, а ведь отсутствовал-то всего каких-то пару лет! Бабе Маше к тому времени исполнилось семьдесят пять, и учительствовать становилось все тяжелее. Тем не менее она продолжала надеяться, что внук поступит в консерваторию, и для этого готова была оставаться в школе столько, сколько потребуется, дабы кормить великовозрастного дитяню во время учебы. Однако Макс понимал, что пришло время взять на себя заботу об их маленькой семье. Он прикинул, чем бы мог заниматься, кроме музыки. На самом деле, вариантов не так уж много. Он мог стать охранником в каком-нибудь магазине или частной фирме, но к этому у Макса душа не лежала. Другие его умения, полученные во время службы, на гражданке негодились. Правда, он отлично водил машину, и даже полковник Утехин, когда приходилось выезжать с заставы, требовал Макса, так как тот не только отличался осторожностью в езде, но и здорово ориентировался на местности. Но существовала одна проблема: везде, где нужны водители, требовались и личные автомобили, а у Макса не было даже велосипеда.

Как раз в это время алкоголик дядя Паша развелся с женой. Они разменяли свои две комнаты и съехали, а на их место вселился некий Самвел Григорян с семьей. Поначалу жильцы с подозрением отнеслись к наличию «лица кавказской национальности» в своей квартире, но вскоре расслабились. Самвел оказался мужиком неплохим, а его жена и две дочки вели себя тихо и вежливо, поэтому к ним быстро привыкли и перестали сторониться.

Самвел помог Максусу с трудоустройством. На рынке он держал несколько продуктовых павильонов и предложил парню, который выглядел сильным и выносливым, поработать грузчиком. Постепенно Макс начал выполнять и другие поручения Самвела. Он стал кем-то вроде товароведа и, обходя ларьки, опрашивал продавщиц, какого товара не хватает, а какой залеживается на прилавках, вел учет в специальном блокноте, а потом докладывал Самвелу. Григоряну нравился русский парень, который ни разу не попытался его обмануть. Дочери Григоряна обожали Макса. Младшая постоянно норовила забраться к нему на колени, а старшая, Карина, краснела, как помидор, если Макс смотрел на нее.

Самвел платил двадцать пять тысяч чистоганом и выдавал премии к праздникам или в особо прибыльные месяцы. Максусу казалось, что они с бабушками живут неплохо, потому что его потребности были небольшими, у бабы Маши или бабы Лены — и того меньше. Кроме того, Григорян снабжал их продуктами с рынка, приговаривая, что «настоящий мужчина должен есть много мяса». Однако сейчас, слоняясь по магазинам и глядя на цены, Макс видел, что его зарплата слишком мала. Да еще этот кризис, о котором без конца твердил в последнее время Самвел, закатывая глаза и ломая руки! Потеряв надежду заранее купить подарки бабушкам в центральных магазинах и решив подыскать что-нибудь в более дешевых местах, Макс вышел из универмага и двинулся вдоль по улице, разглядывая украшения и лампочки. В центре площади у Московского вокзала водрузили елку, и рабочие развешивали на ней гигантские игрушки при помощи крана и люльки.

Макс понаблюдал некоторое время за работой украшателей елки, а потом отправился дальше. Проходя мимо ярко освещенного дорогого ресторана, за окнами которого

сновали одетые в униформу официанты, он обратил внимание на шикарный автомобиль, припаркованный у входа. Макс любил машины и неплохо в них разбирался, поэтому данный экземпляр не ускользнул от его наметанного глаза. Новенький, блестящий темно-синими боками Chevrolet Camaro 2010 RS. Плавные линии, агрессивный экстерьер — интересно было бы посмотреть на владельца этого чуда техники! Восьмицилиндровый, четыреста двадцать лошадей, гидроусилитель руля, независимая подвеска на всех четырех колесах, система динамической стабилизации... Вот бы в салоне посидеть, ну хоть разок!

Макс подошел поближе в попытке лучше рассмотреть шедевр зарубежного автомобилестроения. В это время из дверей ресторана вывалилась высокая фигура в длинном пальто. Пошатываясь, она побрела к стоянке, держась за стенку. За ней тут же выскочила другая фигура — без верхней одежды: маленький, пухлый человечек с редкими волосами, размахивая руками, кричал в спину первому:

— Вернись сейчас же, мать твою, я еще не закончил! Да что ты о себе думаешь?! Да я тебя...

Не обращая внимания на орущего человечка, высокая фигура отделилась от стены и сделала неуверенный шаг в сторону парковки. Макс, с любопытством наблюдавший эту сцену, понял, что незнакомец мертвецки пьян. Его догадку подтвердило то, что произошло пару секунд спустя: фигура вдруг сложилась пополам и извергла из себя то, что, по-видимому, успела проглотить в шикарном заведении. Подняться без посторонней помощи бедолага не смог. Решив подсобить, Макс подошел и, схватив за плечи, резко поставил мужика на ноги. На него глянули мутные глаза. Откинув со лба спутанные длинные волосы непослушной рукой, незнакомец, едва ворочая языком, спросил:

— Т-ты к-кто?

— Я? Я — Макс.

— П-п-права есть?

— Конечно, — ответил Макс, не понимая, к чему этот разговор. Тогда мужчина полез в карман пальто, медленно вытащил связку ключей и, протягивая ему, пробормотал:

— Д-домой.

— Что? — переспросил Макс.

— Домой... м-меня отвезешь, — с трудом выдавил незнакомец.

Макс собрался было отказаться, но спросил себя, как мужик в таком состоянии доберется до дома? На улице холодно — что, если он упадет в сугроб да и замерзнет насмерть? Или, еще хуже, попытается сам сесть за руль и угробится или угробит кого-то другого? Поэтому он принял ключи из дрожащей ладони и спросил:

— Какая машина?

Вместо ответа мужчина поднял руку и ткнул в то место, где стоял красавец Chevy 2010 RS. Пошатываясь, он побрел по направлению к автомобилю, а Макс, не веря в собственную удачу, чуть ли не вприпрыжку двинулся за ним: все-таки ему удастся посидеть за баранкой этой конфетки!

Макс отключил сигнализацию, открыл машину, и незнакомец завалился на заднее сиденье. Макс уселся за руль. Да, подумал он, это тебе не армейское авто Утехина: места полно — хоть ноги вытягивай, сиденья — кожаные, мягкие, как в кинотеатре! Он включил зажигание, и двигатель мягко заурчал: надо же, несмотря на мороз, его и греть не надо! Парень рассматривал салон с тем же любопытством, с каким дети разглядывают новую игрушку. Суперсовременная акустическая система, система присоединения мобильного к автомобилю по Bluetooth, системное проецирование показаний приборов на ветровое стекло и дистанционный контроль запуска двигателя! Кроме того,

Chevy оказался оснащен ультразвуковыми парковочными датчиками... И тут до Макса дошло, что он не удосужился спросить у владельца машины его адрес.

Оглянувшись, парень увидел, что мужчина мирно спит. Разбудить? Вряд ли это разумно. Тогда ему в голову пришла умная мысль, и Макс включил навигатор, ища последние данные о передвижениях авто.

* * *

Рита пришла в офис пораньше, намереваясь разобраться с бумагами, которых накопились горы — в основном счета за аренду помещения, электричество и другие коммунальные услуги. С тех пор, как ее детективное агентство начало функционировать, у Риты больше расходов, чем доходов. Но это не имеет значения: отсутствие необходимости кому-то подчиняться и удовольствие от работы окупали недостаток финансов. Совмещая детективную деятельность и должность управляющей в отцовском театре, хотя бы в одном месте она получает постоянный доход. Доход этот в основном зависит от Игоря Байрамова, ставшего во главе труппы в качестве балетмейстера-хореографа, но дела у «Гелиоса» идут в гору. Такого стабильного подъема театр не видел и в то время, когда им руководил отец Риты, покойный Григорий Сергеевич Синявский. К сожалению, в этом успехе присутствует один немаловажный минус: из-за востребованности труппы Байрамова и постоянных гастролей им редко удается побыть вместе. В данный момент Игорь в Японии. Когда Рита поняла, что почти полгода театр пустует, ей пришла в голову идея насчет того, как извлечь прибыль в отсутствие Байрамова — сдавать «Гелиос» труппам, у которых нет собственного помещения. В прошлый отъезд Игоря она сдала его на три месяца драматическому театру «Воланд», который ставил

какую-то авангардную пьесу, а теперь на их месте обосновалась рок-постановка «Призрак оперы». Рите нравилось это произведение Уэббера, и она иногда приходила на репетиции, чтобы послушать любимые арии.

Рита была бы всем довольна, если бы ее не удручало положение дел в агентстве. Когда мечта внезапно стала реальностью и девушка заполучила ключи от новенького офиса в центре города, она чувствовала себя потрясаяще и надеялась, что клиенты потекут рекой. Но ничего подобного не произошло. Женя Фисуненко, Ритин университетский товарищ, а ныне — капитан полиции, который принимал непосредственное участие в драматических событиях годовой давности¹, ее предупредил:

— В наши дни народ предпочитает два пути, и ни один из них, как правило, не ведет в детективное агентство. Кто победнее, обращается в полицию, а кто побогаче, предпочитает иметь дела с «братками», а не с частными сыщиками. Так что ты, подруга, обанкротишься быстрее, чем получишь первого клиента!

Клиенты все же обращались, но от многих предложений приходилось отказываться, так как Рита совершенно не хотела заниматься созданием алиби для гулящего мужа или устраивать подставы для жены, подозреваемой в адюльтере. Конечно, чтобы агентство могло функционировать, Рите приходилось браться за дела, которые не требовали фальсификации, поэтому она время от времени обеспечивала слежку за неверными мужьями и женами и выполняла другие мелкие поручения клиентов, получая за это не бог весть какую плату, которой едва хватало на зарплату ей самой и помощнице, гордо именовавшей себя секретарем-референтом. Света Тимофеева училась

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Танец со смертью».

на последнем курсе университета и готовилась к сдаче диплома на степень бакалавра права, потому и согласилась на небольшую зарплату, предложенную Ритой. Уже через пару месяцев стало ясно, что агентство не может позволить себе двух работников, однако уволить Свету у Риты рука не поднималась. Грешным делом, она надеялась, что девушка уйдет сама, не удовлетворенная оплатой, но Свете, похоже, нравилось и ее новое место, и начальница. За полгода работы агентства Рита не получила ни одного интересного дела и была очень огорчена этим фактом. И вот накануне, когда она отпустила Свету и собиралась сама покинуть рабочее место, неожиданно зазвонил телефон. Приятный мужской голос осведомился, действительно ли его слушает представитель частного детективного агентства. Получив утвердительный ответ, мужчина сказал, что хотел бы встретиться на следующий день и обговорить условия розыска пропавшего человека. Рита воспрянула духом: дело пахло настоящим расследованием, и она тут же договорилась с незнакомцем о встрече в час дня. До его прихода девушка надеялась разобрать бумажный бардак на столе, чтобы клиент с первой минуты не разочаровался в агентстве и его владелице. Рита начала распахивать документы по ящикам стола, откладывая счета, оставленные Светой, которая отсутствовала по причине встречи с научным руководителем, как вдруг раздался тихий стук в дверь. Это был Виталик, охранник бизнес-центра, в котором располагался Ритин офис.

— Маргарита Григорьевна, там какой-то парень, — сказал он, лениво крутя на пальце связку ключей. — Говорит, по важному делу.

— Молодой? — удивилась Рита, думая, мог ли это быть клиент, пришедший раньше назначенного срока.

— Совсем зеленый, — ответил Виталик. — Но о-очень настойчивый!

— Ладно, пусть войдет.

Интересно, какое дело может быть к ней у молодого парня? Дверь открылась сразу после короткого стука, Рита даже не успела сказать «Войдите!». На пороге возник белобрысый, розовощекий и коренастый парнишка лет двадцати. В руках он держал фотокамеру — насколько Рита могла определить, дорогую, возможно, даже профессиональную.

— Вы — детективное агентство? — выпалил парень и только потом: — Здравс-с-сьте!

— Нет, — невольно улыбнулась этому неуклюжему приветствию Рита, — я — не агентство, я — его владелица.

— Понятно, — кивнул белобрысый, плюхаясь на стул. — Я по поводу работы.

— Чьей работы?

— Моей! — бодро ответил он.

— Я что-то не понимаю... — пробормотала Рита.

— А что тут непонятного? Хочу устроиться к вам на работу. Вот узнал, что вы недавно открылись, и решил прийти.

Рита не знала, что сказать. Парень между тем продолжал:

— Вы не думайте, я вам пригожусь! Я хорошо фотографирую, — он постучал по своей камере, — могу делать снимки. Могу следить за кем угодно. Я терпеливый: могу в засаде сидеть часами...

— Сколько тебе лет, Шерлок?— перебила паренька Рита.

— Двадцать... двадцать один скоро! — обиженно ответил тот.

Надо же, а она была готова поклясться, что ему не больше восемнадцати!

— А почему ты решил, что мне не хватает сотрудников? — поинтересовалась Рита. — Кстати, как тебя звать?

— Кира, — смущенно ответил парень. Его наглость вдруг испарилась, он весь как-то сник, сообразив, что фокус с неожиданным наступлением не удался. — Кирилл Олейников.

— Вот что, Кирилл Олейников, хвалю тебя за предприимчивость, но нам в данное время сотрудники не требуются. Попробуй обратиться в газету, что ли? Там нужны фотокорреспонденты, да и занятие более благородное, это тебе не за неверными женами шпионить!

— Да был я в газетах, — убитым голосом ответил Кира. — Им просто фотографы не нужны. Сказали, если материал сенсационный нарою, тогда приходиться!

— Знаешь, ты мне нравишься, — произнесла Рита, чувствуя, что ей становится жалко этого Кирилла Олейникова. — И я бы обязательно взяла тебя, но, видишь ли, дела идут не слишком хорошо, поэтому денег на зарплату новым сотрудникам нет.

— А я пока могу работать бесплатно! — с надеждой подался вперед потенциальный работник. — Когда дела пойдут лучше, начнете мне платить — как вам такой расклад?

Рита задумалась.

— Ты учишься? — спросила она.

— В Политехе, — уныло ответил он.

— Что же, родители не в состоянии тебя прокормить — зачем понадобилось устраиваться на работу?

— У меня только тетка с дядей, — сказал Кира. — Но у них маленькие дети. Они и так меня четыре года содержали, куда уж дальше?

— Можешь показать что-нибудь из своих работ? — спросила Рита, чтобы хоть как-то подбодрить паренька.

— Конечно! — воодушевился он. — Компьютер работает?

Вытащив из-за пазухи флешку, Кира, ловко развернув к себе Ритин ноутбук, вставил ее в разъем. В папке «Порт-

фолио» оказалось штук двести снимков. На одном из них был запечатлен закат над Невой, когда лучи заходящего солнца золотят купола дворцов и музеев на набережной. На другой — нищий калека в переходе метро. Лицо его, снятое крупным планом, избородили глубокие морщины, а рядом сидел крупный косматый пес, держа во рту ведерко для сбора подаяния. Глаза собаки никого не оставили бы равнодушным, и частично эта заслуга принадлежала фотографу. На третьем снимке молодая женщина склонилась над коляской, в которой спал ребенок. Ее спокойное, безмятежное, как у Мадонны Боттичелли, лицо, казалось, принадлежало позапрошлому веку, хотя одета молодая женщина была в коротенькую футболку, треники и кроссовки на босу ногу.

— Послушай, — сказала Рита, обращаясь к пареньку, — я не эксперт, но у тебя, по-моему, талант! В детективном агентстве такой высокий класс не нужен, понимаешь?

— Вот так везде и говорят, — вздохнул Кира, вытаскивая флешку. — Говорят, это слишком хорошо, надо что-нибудь попроще... Я могу и попроще, только скажите!

Рита снова задумалась. Она вспомнила о своей подруге Варваре и ее связях. Возможно, она сможет помочь парню пристроить фотографии?

— Кира, — сказала она, — я, пожалуй, возьму тебя как внештатного сотрудника. Не смогу платить зарплату регулярно, но если ты мне понадобишься, то получишь разовую выплату за выполненную работу, идет?

— Идет! — обрадовался Кирилл, и по его счастливому лицу девушка поняла, что он готов броситься ее обнимать, поэтому она слегка отодвинулась, предупреждая его намерение. — Когда начинать?

— Оставь номер телефона. Если возникнет необходимость, я позвоню.

Кира накарябал номер на листке бумаги.

— Только вы обязательно позвоните, — сказал он на прощанье. — Я буду ждать!

Его глаза походили на глаза собаки с фотографии. Когда паренек покинул офис, Рита вздохнула с облегчением. Ну и что она натворила? Непонятно, что делать со Светой, а она еще умудрилась посулить деньги парню, который не вписывается в финансовые планы дышащего на ладан агентства!

Клиент, которого ожидала Рита, прибыл точно в назначенное время. Это оказался высокий представительный мужчина с каштановыми волосами, в которых кое-где поблескивала седина. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Довольно привлекательный: высокий лоб, хорошо очерченный прямой нос и карие глаза, взгляд которых казался жестким и внимательным. Прекрасный темно-синий костюм и ботинки из мягкой на вид темно-коричневой кожи говорили о достатке: точно такие же купил себе Байрамов перед отъездом в Японию, и Рита чуть со стула не рухнула, узнав, сколько они стоят. Вместе с клиентом вошел и другой мужчина. Примерно того же возраста, только совершенно седой, невысокий, но жилистый и крепкий. Телохранитель? Видать, важная птица пожаловала!

— Вы — частный детектив Маргарита Григорьевна Синявская? — скорее констатировал, чем спросил старший мужчина. — Вас рекомендовал Владимир Соломонович Горенштейн.

Рита с теплотой подумала о человеке, который однажды спас ей жизнь, а теперь прислал клиента¹.

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Танец со смертью».

— Я вас слушаю, — сказала она, усаживаясь на свое место и надеясь, что выглядит достаточно солидно для клиента такого класса, как вновь прибывший.

— Меня зовут Анатолий Андреевич Пушнин, — начал мужчина, устроившись в кресле поудобнее и закинув ногу на ногу. Его сопровождающий скромно пристроился на диване у стеночки. Пушнин не считал нужным его представлять, и Рита убедилась в том, что ее предположение в отношении этого человека было правильным. — Я, как вы могли уже догадаться, человек состоятельный и многое мог бы оставить детям в качестве наследства. К сожалению, дети у нас с женой не получились. Сначала мы считали, что слишком молоды, чтобы их заводить, хотели пожить для себя. Когда появилось желание, возможность была упущена. Несколько лет назад мы развелись... Не из-за детей, но это не имеет значения. Дело в том, что я привык считать себя бездетным и смирился с этой мыслью. Так и жил до недавнего времени. Около года назад я совершенно случайно встретил человека, сообщившего, что у меня, вероятно, есть ребенок. Я предпринял кое-какие самостоятельные попытки разыскать этого ребенка, которому, по моим подсчетам, должно быть чуть больше двадцати лет, но все было тщетно. Тогда я подумал, что не стоит ворошить прошлое, ведь мать моего возможного отпрыска ни разу не попыталась меня найти и сообщить о его наличии!

— Что же изменилось? — спросила Рита, так как клиент неожиданно замолк. — Почему вы решили возобновить поиски?

— Потому что я умираю, — спокойно ответил Анатолий Андреевич.

Рита растерялась: как реагировать, если человек, с которым ты разговариваешь, запросто сообщает тебе о своей скорой смерти?

— У меня рак, — продолжал мужчина, не обращая внимания на ее замешательство. — Рак поджелудочной железы в последней стадии. Врач дает мне несколько месяцев, и за это время я должен разыскать своего сына или дочь и передать ему или ей все, что у меня есть. Наладить отношения мы все равно не успеем, но, по крайней мере, я могу обеспечить своему ребенку будущее. По-моему, это понятное желание?

— Вполне, — согласилась Рита, подавляя приступ жалости и пытаясь выглядеть деловито. — Могу я поинтересоваться сферой вашей деятельности?

— О, я занят во множестве сфер. Может, слышали о холдинге «Светоч»?

— Возможно, — пробормотала Рита. Название казалось знакомым, но она, хоть убей, не могла припомнить, где слышала его раньше.

— Начинали мы с небольшой компании по разработке компьютерных программ, — продолжал собеседник, не ожидая ответа. — Мы создавали как производственные программы, которые заказывают заводы по всей стране и за рубежом, так и игровые. Затем мы открыли первый магазин компьютерной техники под названием «Техно-мастер»...

— Так это вам принадлежит эта сеть! — воскликнула Рита, вспомив наконец, откуда ей знакомо название концерна.

— Точно, теперь это сеть, а раньше... Неважно. У нас филиалы в Москве, Рязани, Владивостоке и других городах. Затем мы выкупили несколько ресторанов и супермаркетов, а три года назад решили заняться строительством. Мы возводим дачные коттеджи в Ленинградской и Московской областях. Думаю, этого достаточно, чтобы вы представили размах бизнеса, которым я занимаюсь.

— Вы один владеете холдингом?

— Нет, у меня есть партнер. Это важно?

— Мне просто хотелось бы знать как можно больше, — пояснила Рита.

— Ну, нас в холдинге два именных партнера, я и Артем Лагутенко, мой институтский товарищ. Мы начинали вместе. Он заведует финансовой сферой, а я — всем остальным. Еще в холдинге есть другие партнеры. Им принадлежит часть акций, и они ведут дела за пределами Питера. Я переехал сюда недавно. До этого жил в Москве...

— Странно, — перебила Рита. — Я имею в виду, что деловые люди редко меняют столицу на другой город, пусть даже и Санкт-Петербург.

— Вы правы, я сделал это, когда принялся за поиски своего ребенка. По моим сведениям, они с матерью должны обитать здесь, если, конечно, не переехали. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Вполне. Мне ясна ваша цель, но теперь, Анатолий Андреевич, вы должны мне рассказать все, что могло бы помочь в поисках.

— Конечно. Это случилось больше двадцати лет назад. Я только-только закончил институт и начал работать инженером на заводе. К тому времени я уже был женат: мы с Лидой поженились на третьем курсе. Она работала в другой организации, и так получилось, что в тот год сроки наших отпусков не совпали. Мне предложили дешевую путевку от завода в сочинский санаторий, но, так как Лида не могла поехать, я собирался отказаться. Однако жена настояла, чтобы я поехал.

Итак, я оказался в городе Сочи. Там я и познакомился с Настей. Ее невозможно было не заметить: самая красивая девушка на пляже, настоящая фотомодель... но мы тогда и слова-то такого не знали! К ней клеились все подряд, но она обратила внимание на меня. Все складыва-

лось удачно. Ее симпатичной приятельнице Марине приглянулся мой сосед по номеру, и оставшиеся от отпуска дни мы провели вместе. Не могу объяснить, как такое могло произойти, ведь я любил Лиду и не собирался завести никакого курортного романа, но все завертелось с такой быстротой, что опомнился я только накануне отъезда. Настя и Марина оставались в Сочи еще на неделю, а мне пришло время возвращаться в Москву. Настя, как я уже сказал, была красавицей, но не из тех женщин, ради которых мужчина согласен бросить семью. Мы прекрасно провели время, и я не особенно задумывался о возможных последствиях нашей связи. Я взял у Насти номер телефона, но выбросил его сразу, как сел в поезд. Вернулся к Лиде и зажил по-прежнему. Не могу сказать, что не вспоминал о Насте, но... Мы с Лидой долгое время жили хорошо, но, сами понимаете, продолжительный брак превращается в привычку, и мы, поняв, что прежних чувств не осталось, решили расстаться.

— Как вы узнали о существовании ребенка, Анатолий Андреевич? — спросила Рита.

— Случайно. Примерно год назад я попал на какой-то прием, уж и не вспомню, по поводу чего, и там меня окликнула женщина. Оказалось, та самая Марина, с которой отдыхала Настя! Как она меня узнала — ума не приложу: я бы уж точно ее не признал, ведь тогда Марина была симпатичной худенькой девушкой с длинной русой косой, а теперь передо мною стояла полная тетка с короткой стрижкой! Мы немного поболтали, и тут Марина вдруг спрашивает, не слышал ли я чего о Насте? Я ответил, что с тех пор мы не виделись. Оказалось, что Марина встретила с ней на улице шесть-семь месяцев спустя после возвращения с курорта. Настя была беременна. Марина сказала, что девушка, завидев ее, попыталась сделать вид, что не узнала, но Марина догнала ее и затащила

в кафе поболтать. Она выпытала у Насти, что та действительно беременна от меня. Марина также рассказала, что Настя жаловалась на мать, которая заставила ее сохранить ребенка, хотя сама она собиралась сделать аборт, как только узнала о беременности! По всему выходило, что Насте этот ребенок абсолютно ни к чему: она явно тяготилась своим положением и мечтала поскорее избавиться от живота. При расставании Марина дала Насте свой телефон, но через некоторое время вышла замуж и переехала в Москву. Так что, если даже Настя и звонила... Видите ли, я думал, что Настя с Мариной подруги, а выяснилось, что Марина тогда жила даже не в Питере, а в Выборге, и познакомились они только в пансионате. Поэтому Марина не смогла дать мне ни Настинного адреса, ни телефона. Единственное, что удалось от нее получить, — это несколько фотографий, на которых они сняты вместе. Вот эти фотографии. Возможно, они помогут вам в поисках, — и Пушкин выложил на стол три снимка.

На каждом из них были две молодые девушки на фоне различных сочинских красот. Рите не пришлось спрашивать, которая из них Настя. Пушкин оказался прав, она была очень хороша — на голову выше приятельницы, с длинными стройными ногами, тонкой талией и потрясающими светлыми волосами, эта девушка могла бы украсить обложку модного журнала.

— Ну что? — спросил Анатолий Андреевич. — Беретесь за мое дело, Маргарита Григорьевна? Деньги значення не имеют. Только прошу учесть, что у меня мало времени, поэтому вам придется действовать быстро. Так как?

Рита задумалась всего на несколько секунд. В конце концов, что она теряет? Срочных дел у нее нет, а цель расследования вполне благородная — отыскать ребенка человека, который скоро умрет, чтобы обеспечить ему безбедное существование.

— Хорошо, — сказала Рита, — я постараюсь найти Настю. Плохо, конечно, что вы не знаете пола ребенка...

— Да, — покачал головой Анатолий Андреевич, — понимаю, но Марина видела Настю беременной, только и всего. Настя этого ребенка не хотела, к чему бы ей заранее интересоваться его полом?

— Что еще вы можете сообщить? — спросила Рита. — Как я понимаю, фамилии Насти вы тоже не спрашивали?

— Бог с вами, — ответил Пушкин, — кто же на курорте интересуется фамилиями? Даже Марина ее фамилии не знала. Единственное, что известно, — Настя жила с властной матерью. Настя вроде бы имела отношение к музыке — училась в музыкальном училище или в консерватории. Кажется, она играла на пианино. Вот и вся информация, которой я располагаю, но потому-то я и обращаюсь к профессионалу, иначе мои люди и сами бы нашли ребенка! Кстати, — добавил Пушкин после паузы, — у меня есть еще одно условие: расследование должно проводиться в строжайшей тайне. Мне не нужны охотники за наследством. Не сомневаюсь, что многие из тех, кто узнает о существовании богатого родственника, с удовольствием сделают все, чтобы быть признанными моими «детьми». Поэтому вам придется проводить следствие, не сообщая кандидатам о том, по какому поводу и кто именно их разыскивает. Это ясно?

После ухода Пушкина Рита записала в блокнот все, что смогла узнать о Насте, и призадумалась. Что, собственно, у нее есть? Три фотографии да скудные сведения. Как она станет разыскивать эту женщину — ходить по квартирам и показывать всем ее снимок, да еще и не объясняя, что все это значит? Кроме условия Пушкина о соблюдении режима секретности существовала и этическая сторона вопроса. Предположим, Рита отыщет нескольких Анастасий, одна из которых может оказаться той самой. Правильно ли вот так

запросто вторгаться в чужую жизнь с расспросами, ведь у этих женщин, вероятно, есть мужья, а то и другие дети, которые ни о чем не догадываются! «Не откусила ли я больше, чем буду в состоянии проглотить?» — с тревогой спрашивала себя Рита. Не успела закрыться дверь за клиентом, а она уже жалеет о том, что не отказалась от дела сразу! Сняв трубку, Рита набрала номер Женьки Фисуненко. Услышав в трубке его голос, даже не поздоровавшись, выпалила:

— Женька, как найти человека?

— Что, Байрамов пропал? — хохотнул приятель. — Он же вроде в Японии?

— Да при чем тут Байрамов! — рявкнула Рита. — У меня дело, понимаешь?

— Конечно, Мегрэ, — опять хихикнул Женя. — Тогда советую справочник.

— Разве у нас есть телефонные справочники частных номеров? — удивилась девушка.

— Ну ты и дремучая! — вздохнул Фисуненко. — Сходи на рынок, купи диск «База данных Санкт-Петербурга». Там есть все.

— Разве это законно?

— Конечно, нет! Но факт остается фактом: такие справочники есть, и купить их может любой дурак. Так что ты справишься, — закончил он и отсоединился.

Рите не очень понравилось его сравнение, но, по крайней мере, Женька дал ей точку опоры. Правда, даже если допустить, что Настя по-прежнему проживает в Питере, найти ее все равно шансов маловато. Сколько, интересно, Анастасий может обнаружиться в нашем славном городе? Однако надо же с чего-то начинать!

Если кому-то нужна контрафактная продукция по сходной цене, лучше всего отправиться на рынок под названием «Юнона». Добравшись до места, Рита порадовалась, что у нее есть собственный автомобиль, а как, скажите на ми-

лость, сюда попадают те, у кого нет личного транспорта — рынок расположен в чрезвычайно неудобном месте! Несмотря на будний день и раннее время, Рите с трудом удалось припарковать машину: повсюду стояли другие авто и сновали толпы народа. Потолкавшись сначала у одного прилавка, потом у другого, Рита оценила ситуацию. Чего тут только не было — настоящий рай для человека, у которого, как говорится, руки растут из правильного места! Компьютерные и автомобильные запчасти, предметы сантехники, гайки, гвозди... Но Рите требовались диски. В основном здесь продавались игры и мультики. Наконец, она обнаружила парня, со скучающим видом сидящего на ящиках из-под бананов у прилавка с приколотой на нем грязной бумажкой с «рекламой»: «Базы данных».

— Сколько стоит? — поинтересовалась Рита.

— Пятьсот, — кисло ответил парень.

— А какого года сведения?

Продавец тяжело поднялся со своего трона и, подойдя к прилавку, взял один диск и принялся внимательно его рассматривать.

— Этого, — ответил он наконец. — По результатам последней переписи населения — имена, адреса, телефоны.

— А номеров банковских счетов нет? — спросила Рита. Парень юмора не оценил.

— По-моему, нет, — ответил он. — Брать будете?

Рита заплатила и стала проталкиваться к выходу, крепко прижимая к груди сумочку: в таких местах процветают щипачи. Она покидала рынок со смешанным чувством удовлетворения и тревоги. Сидишь себе дома и думаешь, что это — твоя крепость, что никакой «вася», с которым ты никаких дел иметь не желаешь, не узнает, где ты живешь, и не начнет будить тебя посреди ночи телефонными звонками. Но есть, оказывается, умельцы, для которых ничего не стоит «взломать» твою личную жизнь!

Рита вернулась в офис, поработала с бумагами и отправилась домой около шести часов вечера, по дороге заехав в магазин за продуктами. Дома ее ждал пустой холодильник: Байрамов в Японии, мать укатила к старшей дочери в Манчестер, так что Рита в квартире одна, если не считать Абрека — кота, которого она забрала год назад с места преступления, когда погиб член байрамовской труппы Роман Чернецов. Котяра с голубыми глазами монгольского разреза прижился в квартире и завоевал любовь членов семьи.

Рита открыла дверь ключом и вспомнила, что Абрек в доме не один: в ванной работала дрель. Ну конечно, ведь там Михаил Иванович, мастер-сантехник! Рита решила воспользоваться отсутствием домашних и преподнести им сюрприз в виде обновленного санузла. Заглянув в ванную, она увидела, что мастер вешает новый шкафчик с зеркалом на заново облицованную кафелем стену.

— Ну как? — гордый своей работой, спросил Михаил Иванович.

— Отлично! — ответила Рита. — Но вы уверены, что успеете за две недели?

— Обижает, хозяйка! — надулся мастер. — Если Кошельков обещал, Кошельков сделает!

После его ухода Рита уселась за компьютер. Она вовсе не была уверена, что пиратский диск запустится, но, к счастью, проблем не возникло. Через секунду в глазах у нее зарябило от бегущих по экрану строчек: количество Анастасий в городе Питере не поддавалось подсчету!

* * *

Макс проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Открыв глаза, он увидел лицо мужчины, которое показалось ему смутно знакомым.

— Ну ты здоров дрыхнуть! — сказал мужчина и раскати­сто рассмеялся. Голос у него был низкий, чуть хрипловатый, но приятный. Макс уставился на него, пытаясь сообразить, с кем имеет дело. Он вспомнил, что помог вдрызг пьяному владельцу шикарного авто добраться до дома. Макс с трудом втопил мужика в лифт и долго тормошил, чтобы выяснить, на какой этаж подниматься. Дверь открыла пожилая женщина в коричневом платье и с прической в стиле шестидесятых годов. По-видимому, это была мать хозяина крутой тачки. Она ничуть не удивилась, что мужчина, приведенный, а точнее сказать — принесенный Максом, не стоит на ногах. Хозяйка впустила их в квартиру, показала Макс­у дорогу в спальню, которая оказалась не менее шикарной, чем машина, и спокойно принялась раздевать мужчину, которого Макс уложил на постель поверх покрывала. Женщина проводила Макса на кухню, заправила кофеварку и снова исчезла, не говоря ни слова. Даже в домах у друзей Самвела, а среди них встречались по-настоящему богатые люди, не видел он такой красоты. Помещение сверкало, потому что свет от встроенных в потолок ламп отражался от на­тертого до блеска черного кафеля на полу. Напротив окна располагались обеденный стол и полукруглый кожаный диван, на котором и устроился Макс.

Женщина, открывшая дверь, вернулась минут через пятнадцать. Оказалось, что она вовсе не приходится мате­рью человеку, которого привел Макс, а является всего лишь его домработницей. Она представилась Рогнедой Борисовной и сказала, что Андрей (вероятно, она реши­ла, что Макс хорошо его знает) просил гостя подождать. Через некоторое время он услышал, как в коридоре хлопнула дверь. Выскочив из кухни, Макс понял, что домра­ботница, похоже, ушла, оставив его в квартире. Интересно, как она не побоялась, ведь этот Андрей в стельку

пьян, а Макс, как ни крути, первый встречный! Но, подойдя к входной двери, он понял, что Рогнеда Борисовна вряд ли рисковала: дверь оказалась оборудована кодовым замком, видеокамерой, на которой Макс отлично видел собственную ладонь, тянущуюся к ручке, а также еще какой-то красной лампочкой, которая начинала мигать, как только он подносил руку достаточно близко. Вот это да: попытайся он самостоятельно покинуть квартиру, чего доброго, налетит полиция, и тогда хлопот не оберешься! Хозяин спит мертвецким сном, и вряд ли можно ожидать, что он сумеет внятно объяснить полицейским, кто такой Макс и что он здесь делает — если вообще вспомнит, как сюда попал!

Отойдя от двери, Макс покрутился в просторном холле и отправился на разведку. Он не рискнул дергать за ручки дверей, поэтому вошел в первую незапертую комнату. Это оказалась гостиная. Там обнаружился гигантских размеров телевизор, больше походящий на экран в кинотеатре, три длинных дивана вдоль стен и низенький журнальный столик, вокруг которого на ковре были разбросаны подушки. На столике лежали газеты и журналы. Макс взял один, потолще, и уселся на диван. Видимо, он зачитался и не заметил, как заснул.

— Сейчас Борисовна принесет кофе, — произнес мужчина. — Черт возьми, пил-то я, а похмелье, выходит, у тебя?

И тут до Макса начало доходить. Но — нет, это же не может быть тот самый человек, которого он вчера приволок на себе! Мужик был весь какой-то мешковатый, со спутанными грязными волосами, скрывающими лицо, и Макс готов был поклясться, что тот парень ниже ростом! Этот человек высок, с мощной шеей и широкими плечами. Смоляные волосы, длинные и прямые, зачесаны назад, открывая широкий лоб. Нос, довольно круп-

ный и прямой, имел красиво и резко очерченные ноздри. Полные бледные губы насмешливо изогнуты, но прозрачные зеленые глаза оставались холодными.

— Вы... — пробормотал Макс.

— Я, я, — кивнул мужчина. — Это меня ты вчера привез домой, за что я тебе, кажется, должен быть благодарен?

— Это точно! — согласилась Рогнеда Борисовна, вкатывая в комнату столик на колесиках, на котором стоял кофейник и очаровательные маленькие чашечки с золотым рисунком. — Это точно, — повторила домработница, подкатив столик к дивану. — Сколько парней его возраста, по-твоему, сделали бы то, что сделал он? — спросила она, обращаясь к высокому мужчине.

— Да уж, — согласился тот. — Получив ключи от тачки, любой в лучшем случае упер бы ее, да еще и обчистил пьянчужку! Так что, добрый самаритянин, премного благодарен. Иди, Борисовна, мы немного побалакаем.

Как только домработница вышла, хозяин разлил потрясающе пахнущий кофе по чашкам и сел на диван рядом с Максом.

— Итак, — сказал он, — как же тебя звать, душа-человек?

— Макс. Максим Тропинин. А вас? — задал парень встречный вопрос и увидел на лице собеседника сначала недоверие, а потом выражение крайнего удивления.

— Ты что, — медленно спросил он, — не знаешь, кто я такой?

Макс сообразил, что, по-видимому, не зря лицо этого человека с первой же минуты показалось ему знакомым, но он, как ни старался, не мог вспомнить, почему. Мужчина пошарил рукой среди журналов на столике и, вытащив один, бросил его на диван. На обложке была его фотография в полный рост и крупный заголовок: «Возвра-

щение «Призрака»: Андрей Кожухов в проекте Семена Ворошило».

Ну, разумеется, он же столько раз видел афиши, расклеенные по городу! Андрей Кожухов, один из самых известных людей в шоу-бизнесе. И как это он опростоволохился? Правда, вчера Кожухова, пожалуй, и родная мама бы не признала!

— Да ты, похоже, и впрямь не в курсах, — сделал вывод Кожухов. — Что ж, тем лучше!

Он поднялся с дивана и вышел, но через пару минут возвратился и протянул Максу пухлую пачку тысячных купюр.

— Это что? — удивился Макс.

— Должен же я тебя как-то отблагодарить? — пожал плечами Кожухов.

— Достаточно простого «спасибо». Я, пожалуй, пойду!

— Постой! — рассмеялся Андрей, кладя деньги на диван. — Какие мы, однако, обидчивые — на таких воду возят! Не хочешь денег — не надо, но хоть кофе допей. И расскажи, кто ты, что ты, ладно?

Макс опустился обратно на диван. Он с трудом верил в то, что сидящий рядом человек — действительно Андрей Кожухов. Тот самый Кожухов, которого газеты описывают как едва ли не самого скандального персонажа российской сцены. Тот самый, который постоянно дает желтой прессе поводы для сплетен и за которым тянется шлейф невероятных слухов.

Макс видел перед собой вполне респектабельного человека, который не ругался матом и не строил из себя звезду, что не вязалось с образом, который ассоциировался с его именем. Макс пытался вспомнить все, что знал об Андрее Кожухове. Он возник на музыкальном олимпе внезапно и сразу взорвал его своей жесткой, но мелодичной музыкой и мощными аранжировками. Впервые имя

Кожухова прозвучало, когда он получил Гран-при шоу «Голос». Вскоре вся страна болела за него в конкурсе «Евровидение», где он, впервые в истории российской музыки, занял первое место. Никто не знал, откуда появился Андрей Кожухов: как ни пытались журналисты разнюхать о его детстве и юности, им не удалось ничего нарыть, словно он прилетел с другой планеты. Ходили бесчисленные слухи о его якобы разбросанных по городам и весям детях, любовницах, среди которых назывались жены известных политиков, телеведущие и актрисы. Противореча самим себе, газеты и журналы говорили и о том, что он голубой и любит устраивать оргии в клубах для гомосексуалистов.

— Значит, на рынке работаешь, — задумчиво произнес Андрей, когда Макс закончил рассказывать ему свою короткую биографию. — И долго собираешься этим заниматься?

— Пока не найду чего-нибудь поинтереснее.

Кожухов откинулся на спинку дивана.

— А на меня не желаешь поработать? — неожиданно задал он вопрос.

— Вам требуется грузчик?

— Мне нужен человек, на которого я во всем смог бы положиться. И чтобы не трепался о моих делах на каждом углу, пытаюсь прославиться за мой счет... Ты помог на улице незнакомому пьяному мужику, не взял денег, так что, похоже, парень ты славный. Что скажешь?

Макс задумался. Предложение звучало заманчиво, хотя он и сомневался, что сможет быть полезен такому человеку, как Андрей Кожухов. Кроме того, Макс не знал, как Самвел отреагирует на его решение уйти. Своими сомнениями он не замедлил поделиться с Андреем.

— Хорошо, — согласился тот. — Поговори с Самвелом и, если надумаешь, приходи завтра сюда к восьми утра.

Имей в виду, работа твоя, если возьмешься, будет иметь ненормированный график, но и платить стану не так, как твой Самвел — жаловаться не придется!

Проводив Макса и закрыв за ним дверь, Рогнеда Борисовна вернулась в гостиную. Андрей курил в распахнутое окно. Рогнеда Борисовна возмущенно уперла руки в бока.

— Тебе же нельзя, а ты дымишь, как паровоз!

— Да ладно тебе, Борисовна, — отмахнулся он. — Одно-то можно, подумашь — большое дело!

Женщина присела на диван.

— Ты уверен, что не совершаешь ошибки? — спросила она осторожно. — Вокруг тебя крутится столько всякого сброда, что мне иногда страшно делается, так стоит ли впускать в свою жизнь абсолютно незнакомого человека? Что, собственно, ты о нем знаешь, кто он такой? На рынке работает — прекрасная компания!

— Лицо у него такое... Хорошее, короче, — задумчиво произнес Кожухов.

— А с лица воду-то не пить! — возразила Рогнеда Борисовна. — Не боишься?

— Расслабься, Борисовна, парнишка станет чем-то вроде водителя-секретаря. Я вовсе не собираюсь ему исповедоваться!

* * *

Рита с тоской смотрела на экран компьютера. По словам Пушкина, Насте во время их знакомства было года двадцать два. С тех пор прошло больше двадцати лет, и этой женщине сейчас за сорок. Таких Анастасий многовато! Рита исключила бездетных и тех, чьи дети не соответствовали по возрасту. Плохо, что она не знает даже пола ребенка, тогда бы круг поисков значительно сузился. Итак, подходящих Анастасий оказалось больше ста пяти-

десяти. Требовалось выяснить, чем занимается каждая. У той Анастасии музыкальное образование, но это не обязательно значит, что она работает по профессии... Внезапно Рите в голову пришла блестящая идея. Отыскав в записной книжке нужный номер, она сняла телефонную трубку.

— Лариска, привет! — сказала она в трубку, услышав знакомый голос на другом конце провода. — Это Рита Синявская.

— Марго? — удивилась Лариса: они не общались с последнего вечера выпускников. Когда-то девушки дружили, но потом Лара вышла замуж и родила, одного за другим, троих детей. На подруг теперь не оставалось времени. Рита знала, что Лариса работает в налоговой инспекции, и именно сейчас ей потребовалась помощь бывшей одноклассницы.

— Ларчик, — вкрадчиво начала она, — ты бы не могла мне чуточку помочь в одном деле?

— Проблемы с налогами? — спросила та.

— Нет, что ты, просто нужно найти кое-кого. То есть я уже нашла, но надо проверить по вашей базе несколько теток. Я отплачу, честное слово!

— Сколько именно теток? — поинтересовалась Лара.

— Сто пятьдесят! — выпалила Рита. На другом конце провода воцарилась тишина.

— Ладно, — со вздохом произнесла, наконец, бывшая подруга. — Перешли их мне по электронной почте, я прогоню через нашу базу, так уж и быть. Что именно мы ищем?

— Сведения об их образовании и последнем месте работы.

— Услуга за услугу, — сказала Лариса, продиктовав Рите свой электронный адрес. — Говорят, в вашем «Гелиосе» ставят «Призрака оперы»? Афиши расклеены по все-

му городу. Так вот, на премьеру билетов в кассах уже нет, а нам бы очень хотелось...

— О чем ты говоришь! — воскликнула Рита. — Сколько надо билетов?

— Два. Ты правда сможешь достать?

— Шутишь? Да хоть десять!

— Нет, десять не надо. Мой Шурик так устает, что даже в воскресенье его никуда не вытащить, жизнь совсем затюкала. А тут на днях, представляешь, увидел по телевизору рекламу этого «Призрака» и вдруг говорит: «Интересно, сколько билеты стоят? Может, сходим?» Я так обрадовалась, позвонила в кассу предварительных продаж, а они меня и обломали!

— Не бери в голову, — успокоила Ларису Рита. — Будут у вас билеты на лучшие места, можешь на меня положиться!

Повесив трубку, она задумалась. Предположим, она получит список женщин, имеющих отношение к музыке хотя бы по образованию, но что потом? Ходить по квартирам с фотографией и спрашивать, где каждая провела лето года эдак двадцать два назад?

От раздумий Риту оторвал звонок в дверь. Кто бы это мог быть в такой час?

На пороге стояли двое, молодой человек и девушка.

— Вы — Марго? — несмело спросил юноша, переминаясь с ноги на ногу. Она заметила у него за плечами рюкзак, а у девушки в руках — крохотную дамскую сумочку. В речи молодого человека угадывался едва заметный акцент, хотя он и произнес всего два коротких слова. Кроме того, он был так похож на Байрамова, что у нее ни на секунду не возникло сомнений, кто это.

— Рауф? — спросила она. — Ты ведь — брат Игоря, верно?

Рита была в курсе, что у Байрамова в Баку есть младший брат и сестры, но она никогда с ними не встречалась. Он имел намерение познакомить ее с семьей, но Рита инстинктивно оттягивала этот момент. Она также знала, что Рауф учится в Бакинском медицинском университете — вот, пожалуй, и все.

Рита отступила, пропуская неожиданных гостей в квартиру. При ярком свете она смогла их как следует рассмотреть. Рауф выглядел копией Байрамова в юности, только с более выраженной восточной составляющей: у мальчика глаза были темнее, а волосы черные, а не каштановые. Девочка оказалась красавицей, настоящей Шахерезадой. Она с опаской поглядывала на Риту, опуская взор всякий раз, когда замечала, что та на нее смотрит.

— А когда брат придет? — заметно нервничая, спросил Рауф после того, как Рита проводила молодых людей в гостиную. — Мне надо с ним поговорить.

Она удивилась.

— Разве он не сообщил вам, что уезжает в Японию на гастроли?

По тому, с каким отчаянием девушка посмотрела на Рауфа, Рита поняла, что дело серьезное.

— Нет, — убитым голосом ответил молодой человек. — Ну, тогда мы, пожалуй, пойдем, — сказал он, поднимаясь.

— На ночь глядя?! — воскликнула Рита. — Даже и не думайте, что я вас отпущу. Вы ели?

— Да, — быстро ответил Рауф.

— Нет, — одновременно с ним пискнула «Шахерезада».

— Тогда будем ужинать, — улыбнулась Рита, вспомнив, что она и сама не обедала и не ужинала, занятая составлением алгоритма поисков Анастасии.

Дав ребятам время насытиться, Рита приступила к допросу. Сначала Рауф говорил неохотно, но посте-